

Настоящая первая любовь.

Второй курс. Вот когда я действительно ощутил настоящий вкус жизни! Именно на втором курсе я узнал, что она может быть как слаще мёда, так и горше редьки. Но это всё было потом, а тогда, в конце августа всё только начиналось.

Мы с Владом приехали в университет за неделю до начала занятий. Планировали сделать лёгкий ремонт в комнате, да и вообще, надоело дома сидеть, хотелось заняться чем-то более интересным.

Оказалось, что не только мы заскучали дома — наши однокурсники Борис и Юра тоже. Вечером они предложили составить им компанию, чтобы вместе пойти в ночной клуб. Ни я, ни Влад, естественно, не отказались. Ну а в клубе, как всегда — музыка, пиво, знакомство с девушками... Уже через пол часа мы одной большой компанией сидели за столом и развлекались по полной программе.

Может я бы и не вспомнил этого случая, если бы не знакомство с Анжеликой. «Тоже мне Анжелика! Что за мода отказываться от своих настоящих имен, а называться иностранными? Анжелка она, а не Анжелика!», — подумал я тогда. Но ничем не выдал своей иронии, ну разве что уклонялся называть её по имени, а называл то красавицей, то солнышком, то ещё как-то так.

Спустя некоторое время я отметил про себя, что с каждой минутой она начинает нравиться мне всё больше и больше. Я не очень разбираюсь в женских туалетах и никогда особо не обращал внимания во что девушка одета. Лишь бы лицо было посимпатичней, да фигурка поизящней, да чтобы не дура совсем. Но именно на ней мне захотелось рассмотреть все детали. Девушка была одета в какие-то легкомысленные, все в дырках, джинсы. Я понимал, что это модно, но меня всегда изумляло, что девушки вообще решаются надеть такое. Как ни странно, Анжелике они очень подходили. Она выглядела в них изящной, наивной и какой-то своей в доску. Верхняя деталь туалета представляла собой тоже что-то непонятное. Для платья слишком короткое, для футболки слишком длинное. Чёрного цвета с большим, на всю грудь, абстрактным рисунком это платье-футболка кокетливо обнажало её мраморное плечико и делало особенно милой. В качестве украшений девушка выбрала тяжелую большую цепь на шею, кожаный браслет с шипами и такой же ремень. Но последний не выполнял своей прямой функции. Не поддерживал брюки, и не подчеркивал талию девушки, он просто изящно болтался на её бедрах. Заканчивал образ рокерши очень агрессивный и вызывающий макияж со стрелками, или как они там у девушек называются, и яркой красной помадой. А также прически в виде роскошного хвоста на макушке.

Но хотя и выглядела Анжелика великолепно в этом странном и одновременно простом наряде, хоть и лицо её было очень красивым, все же это были не все достоинства девушки. Она была весела, прекрасно танцевала, не лезла за словом в карман. Я подозревал, что она к нам всем относится как-то снисходительно, как к малым детям. Если бы это позволила себе любая другая девушка, то выглядела бы она вульгарно, а такое поведение было бы оскорбительным. А у Анжелики это получалось как-то нежно, что ли.

На фоне остальных девушек она смотрелась явной королевой. Причем, мне кажется, что подруги об этом тоже догадывались, но им и в голову не приходило оспаривать лидерство

Анжелики. Они признавали за ней это первенство, как мы парни часто признаём настоящего лидера среди нас.

Вот и не удивительно, что эта уникальная девушка понравилась мне. Кстати, не мне одному пришлась до души Анжелика, Борис тоже положил на неё глаз. Мы даже устроили что-то вроде соревнования — кто первый получит ее номер телефона. Выиграл я, и в качестве награды имел возможность пригласить её на свидание.

Анжелика согласилась встретиться со мной на следующий день в кафе в шесть часов. Я планировал, что мы выпьем кофе, потом погуляем или пойдём в кино. Хотя девушка и понравилась мне вчера вечером, но всё же, если бы не конкуренция со стороны Бориса, вряд ли я бы так усердствовал. Однако, я даже не предполагал, что меня ожидает сюрприз, от которого я не мог прийти в себя несколько месяцев, а если быть уж до конца честным, то около полутора лет.

В шесть часов и две минуты в кафе не девушка вошла, а ангел спустился с небес. Помните, как в фильмах показывают такие моменты? Весь мир замер, лишь она не идёт, а летит ему навстречу. А он стоит, как околодованный, не может ни шагу ступить, ни слова сказать. Я не знаю что тогда со мной произошло. Увидев её, весь окружающий мир и правда, перестал существовать для меня.

— Привет, Дэн, — улыбалась мне небожительница.

— Анжелика! — улыбался я ей в ответ. — Я так рад, что ты пришла!

— Давно ждёшь?

— Целую вечность! И готов ждать столько же, лишь бы иметь возможность видеть тебя, — проснулся во мне романтик, который до этого спал беспробудным сном.

Сейчас она выглядела совсем по-другому. Легкое голубое платье и распущенные черные волосы делали Анжелику нежной и беззащитной. Мягкий, едва уловимый макияж только подчеркивал безукоризненную красоту её лица и глубину её карих глаз. А белые босоножки на высоком каблуке превращали и так изящную и тонкую фигурку девушки в эталон красоты. Она улыбнулась снова, поражаясь моим странным словам.

Короче говоря, я впервые по-настоящему влюбился. Весь вечер я ухаживал за ней, пытался делать ей комплименты, пытался предугадать малейшее её желание. Я был готов даже по полу размазаться, лишь бы увидеть ещё одну улыбку на её лице.

Анжелика великодушно принимала мои ухаживания, но, естественно, не очень-то верила мне, поэтому, когда я, руководствуясь самыми лучшими своими побуждениями, захотел поцеловать её, меня ожидала легкая оплеуха. Правда, на моё счастье (или на беду) мне снова удалось уговорить Анжелику встретиться на следующий день.

Ох и тяжелым он выдался для меня! С утра мы с Владом занялись ремонтом. Сначала пошли в магазин и купили обои, потом начали клеить их. Поскольку ни я, ни мой друг не владели навыками этого дела, то к шести часам не успели управиться, хотя наша комната имела всего десять квадратных метров. Я предложил Владу отложить работу, мол, завтра всё доделаем, а он упёрся — говорит, что не намерен спать в том бардаке, что мы устроили за сегодня. Тогда впервые мы не достигли согласия друг с другом. Я всё-таки ушёл на свиданье, а Влад сам заканчивал с обоями. Он потом ещё несколько дней обижался на меня, но со временем забыл. Ну а я с Анжеликой снова чувствовал себя как в раю. Может потому, что уже немножко привык к своему приподнятыму настроению, уже мог разговаривать с ней на более приземлённые темы, а не только читать стихи и делать комплименты. Я расспросил где она

учится, чем занимается, откуда родом. Вот тогда меня ожидал ещё один сюрприз. Оказалось, что отец Анжелики француз. Значит, она действительно Анжелика, а не Анжелка, как я подумал в день нашего знакомства. Её отец работал в посольстве Франции в Украине. Женился уже здесь, в Киеве, и теперь они все жили на две страны: немножко здесь, немножко во Франции. Сейчас Анжелика была на каникулах, а вообще она училась в каком-то французском колледже.

— То есть, ты скоро уедешь? — испугался я.

— Да, через две недели... — подтвердила она, и я понял, что падаю.

Вот ещё минуту назад летал под небесами на крыльях любви и счастья, а сейчас будто бы обрезали те крылья. Через две недели... Через две недели она уедет... Как мне жить без неё? Что мне делать?

Я вернулся к себе и сразу же лёг. Разговаривать с Владом не хотелось — тогда я вообще ни с кем не мог разговаривать. А он тоже молчал, обижаясь, что я бросил его одного с не доклеенными обоями. Наутро чувствовал себя не намного лучше, но всё же позвонил Анжелике и снова договорился о встрече.

Вообще, я начал догадываться, что мои чувства не взаимны. Та оплеуха позавчера ничего не значила. Может девушка просто цену себе набивала. Но вчерашний разговор и то, что она с нетерпением ожидает возвращения в колледж, подтверждали мою догадку. Во мне заговорила гордость. Как так! Чтобы я, такой весь из себя первый парень на деревне, да не добился взаимности у девушки! Да будь она дочерью хоть самого короля, она должна в меня влюбиться! Это свидание было уже совсем другим. Я больше не сыпал комплименты, более сдержанно ухаживал за Анжеликой. Теперь я пытался понять девушку, найти её уязвимые места, чтобы иметь возможность достичь своей цели. Если честно, осуществление моего плана давалось очень тяжело. Ведь я всё же был влюблён, поэтому не хотелось рассчитывать каждое своё слово, каждый жест и действие вместо того, чтобы просто наслаждаться её обществом... Но я напоминал себе, что она скоро уедет. И если я не хочу чтобы через две недели она даже имя моё забыла, должен что-то сделать.

Анжелика была необыкновенной девушкой. Очень красивой, очень эмоциональной и ещё какой-то, почему я долго не мог подобрать названия. Со временем я начал называть это загадочностью. Мне сложно было понять её, а еще сложнее принять этот факт. Однако, чем больше я пытался постигнуть Анжелику, тем меньше мне это удавалось. Ситуация очень сильно напоминала сюжет «Сумерек», когда Эдвард не мог прочитать мысли своей будущей возлюбленной Беллы.

Надо сказать, что не зря я вспомнил о «Сумерках» и о своём волнении по поводу того, что мне не удаётся разобраться с загадочностью Анжелики. Дело в том, что на каком-то подсознательном уровне я почти всегда мог ощущать настроение других людей. Эта способность у меня едва ли не с рождения, ибо, сколько помню себя — очень часто угадывал накажет ли мама меня за какую-нибудь шалость или сойдёт с рук, в хорошем ли расположении духа учительница или лучше не рисковать. С девчонками также проблем никогда не было. Я всегда понимал, нравлюсь ли я девушке, рада ли она видеть меня, стоит ли мне ожидать её благосклонности или лучше держаться от этой девушки в стороне. С мужской половиной дела обстояли немножко хуже, но и них злость и агрессию я всегда чувствовал. Если честно, я даже не задумывался над тем, что в этом плане могут возникнуть какие-либо проблемы.

Но с Анжеликой проблемы возникли. Сначала та пощёчина, на которую я в принципе не обижался, но которая была неожиданной для меня. Потом шок, что она едет и так спокойно об этом говорит, значит на самом деле и близко не чувствует того что чувствую я. Тогда чем объяснить её согласие на четвёртое подряд свиданье со мной? Может из-за скуки? Может у неё не с кем более провести досуг? Но нет же, она сама рассказывала, что в Киеве у неё очень много знакомых и друзей. Я задавал себе всё новые и новые вопросы, но ответов на них не имел. Пока однажды не случилось чуда, в буквальном значении этого слова.

За то время что мы встречались, я обнаружил одну закономерность — чем ближе физический контакт между мной и Анжеликой, тем чётче я мог чувствовать её настроение и эмоции. Оставалось только научиться анализировать их.

Тогда мы были в ночном клубе. Я пригласил Анжелику на танец. Её рука в моей руке, лёгкие плавные движения под музыку... Я был счастлив от того, что могу касаться её и наслаждаться её близостью. И вот, в какой-то момент я понял, что что-то изменилось. Рядом с тем счастьем и наслаждением, которые я идентифицировал в себе ранее, появилось что-то новое для меня. Неизвестно откуда в моей груди заныла какая-то неуверенность, нерешительность и дрожь. Такие эмоции вообще были не свойственны мне, самоуверенному и горделивому парню. Кажется, я уже припоминал, что считал тогда, что весь мир должен был приклоняться предо мной. Откуда взялись эти сомнения? Можете представить себе, с каким удовольствием я догадался, что это не моя, а её нерешительность сейчас ноет в моей груди. Вот почему я не мог понять Анжелику! Она тщательно скрывала свои настоящие эмоции от окружающих, вела себя так же развязно и самоуверенно как я, а на самом деле была нерешительна и скромна. Теперь я знал, что девушка в моих руках в прямом и переносном смысле. Поскольку я был влюблён, то, прежде всего, попробовал выяснить есть ли у меня шанс на взаимность. Склонился к ней ближе и прошептал на ушко что-то нежное. В следующее мгновение я ощутил как трепещет её сердечко. Вернее трепетало моё сердце, но я уже понимал, что это эмоции Анжелики отдаются во мне. Но девушка не сдавалась — ответила мне что-то весёлым и беззаботным голосом. Теперь я уже не слушал её. Наконец я начал понимать Анжелику и влюбить её в себя было сущей мелочью, тем более, что я уже знал, что она и так не совсем безразлична ко мне.

На следующей неделе у нас начались занятия. Правда, пока была начитка лекций, свободного времени у меня было более чем достаточно. Я продолжал каждый день встречаться с Анжеликой. Приглашал ее к себе в общежитие, был приглашен к ней домой. Наш роман развивался семимильными шагами, и уже в ближайшее время я заметил в глазах моей возлюбленной тот же страх перед разлукой, что и в моих глазах читался с того мгновения, когда я узнал о её скором отъезде.

А тот день неумолимо приближался. Накануне Анжелика так плакала, что моё сердце рвалось на части. Я хотел успокоить её, забрать хотя бы часть страданий. Но что я мог сделать?

— Пойдём ко мне! — вдруг предложила Анжелика.

— Неудобно как-то. Может, у вас дома заняты подготовкой к отлёту, а я буду мешать, — предположил я. Хотя на самом деле мне просто не хотелось сидеть за столом и пить чай с её родителями вместо того, чтобы обнимать девушку, целовать её... — Пойдем лучше...

— У меня дома никого нет. Родители сейчас на приёме в посольстве, будут поздно, — не дала мне договорить Анжелика, а потом решительно потянула за собой.

Сказать, что я обрадовался — ничего не сказать. За этих две недели мы много времени проводили вместе, с недавнего времени много целовались, но дальше так и не пошли. Я сам себе удивлялся, что такой нерешительный. Спасибо, Анжелика положила конец этому. Лучшего подарка она мне просто не могла сделать.

Я как будто бы рассудок потерял. разочарования от того, что она мне совсем не нравится. Конечно, это было не так, поэтому я поспешил успокоить девушку. — Ангел мой, как ты могла подумать, что не нравишься мне? — сказал я. — Я очень сильно люблю тебя. Не бойся и не стесняйся того что сейчас произойдёт между нами.

После этих слов, ощущения, что исходили от Анжелики, не стали слабее, но они перестали быть такими запутанными. Каким-то чудом я начал отличать их друг от друга, а также смог отделить свои собственные чувства и эмоции от эмоций и чувств Анжелики. Поскольку со своими переживаниями мне было легче управляться чем моей девушке с её волнением, то я просто «забыл» о себе, а всё внимание сосредоточил на Анжелике. Начал с поцелуя. Мой поцелуй был нежный и осторожный, он успокаивал. Анжелика и правда понемногу начала расслабляться. Паника от того, что она мне не нравиться прошла, понемногу начал угасать стыд, ведь она, такая бесстыжая, сама затянула меня к себе домой. Но моя конечная цель была не в том чтобы успокоить её, наоборот — возбудить. Поэтому я понемногу стал добавлять эмоций, целовать более требовательно и страстно. Постепенно и сам начал возбуждаться. Всё наладилось и я снова начал мечтать о том мгновении, когда мы наконец-то окажемся в постели.

— Анжелика, любовь моя, — прошептал я. — Пойдем в твою комнату.

— Да, Дэн, — кивнула она.

Я взял её за руку, и она провела меня.

— Я люблю тебя, Анжелика. Разреши мне продемонстрировать свою любовь.

Она слабо улыбнулась, а я снова уловил волнение, стеснение и немножко даже страх. В эту минуту мне больше всего хотелось именно избавить её от страха, потому я поцеловал Анжелику нежным и, как мне казалось, успокаивающим поцелуем, но на самом деле он только возбудил нас обоих.

Я медленно приближал свои губы к её губам, думал нежно и ласково коснуться к ним. Но не знаю, то ли привычка, то ли я сам был слишком возбужден, чтобы ограничится только нежным касанием. Мой язык опередил мои губы. Я сначала прикоснулся к ней языкам, а лишь после этого поцеловал.

Если честно, я сам не понял что произошло. Мне показалось, что моя грудь разорвалась, сердце выглядывает наружу и к нему кто-то нежно касается рукой. И хотя это касание действительно нежное и бережное, все равно это очень больно. Но боль эта сладкая, не хочется, чтобы эта невидимая рука прекращала свою ласку. Все произошло настолько быстро, что я даже не успел отреагировать на эти ощущения, а по инерции вслед за языком, коснулся губ Анжелики своими губами. Это было еще лучше, потому, что боли уже не было, а только наслаждение. Спокойное, нежное, такое, что заставляет забыть кто ты и где ты.

Я был удивлен, и это было очень мягко сказано. Я был шокирован. До сих пор мне не приходилось ничего подобного ощущать. Целоваться я всегда любил, поцелуи меня возбуждали, но я никогда ничего схожего не переживал. А сейчас понял, что вся эта сладкая боль — это не мои чувства и ощущения, а Анжелики. Это касание моего языка к ее губам пронзило острой сладкой болью, будто кто-то коснулся её обнаженного сердца нежной рукой,

это мои губы уняли эту боль и оставили только наслаждение. Осознание этого сделало меня самым счастливым человеком на земле.

Я снова коснулся её губ языком, а потом припал к ним своими губами. Та же острые боль и тоже наслаждение. Она застонала, не в силах удержать свою страсть, которая просыпалась в ней. И будил эту страсть я.

— Анжелика, я люблю тебя, — шептал я в исступлении.

— Я люблю тебя, Дэн, — шептала она в ответ.

— Я хочу уложить тебя...

— Да...

Я подхватил Анжелику на руки и положил её на кровать. В тот вечер она была одета в платье, но какое-то странное, состоящее из переплетений ткани. Я не мог сообразить как оно одевается и как снимается, но в принципе это не мешало мне находить моими губами все новые участки её обнаженного тела. Сначала я покрыл поцелуями её шею от уха до плеча, стянув часть платья вниз. Потом вернулся к губам и проделал то же самое с другим плечом. Снова вернулся к губам. Каждый раз, прикасаясь к ним, я использовал и язык. Теперь в её отклике не было уже боли, а только очень сильное наслаждение и возбуждение.

Я чувствовал, что Анжелика хочет, чтобы это не прекращалось. Все это было новым для неё, и ей казалось, что ничего лучше не может быть.

— То ли еще будет, — мысленно обещал я, но пока продолжал делать то, что она хотела.

А хотела она именно переживать снова и снова этот короткий, но такой возбуждающий поцелуй в губы, мои нежные касания к её шее и её плечам, мои ласковые касания рукой к её волосам, её лицу, её рукам и плечам. Я это так же четко чувствовал, знал и понимал, будто бы она вслух произносила чего хочет. Поэтому без промедления исполнял её «просьбу». Но она не знала, что есть еще другие ласки. Вернее, может и знала, но пока не имела такого опыта, потому не просила меня об этом. Я начал проявлять инициативу.

Нежно лаская своей рукой её плечо, я плавно переместился на грудь. Она прогнулась, подставляя её мне и я почувствовал удивление и радость, перемешанные с еще большим возбуждением. Я тоже радовался. В следующее мгновение попытался подвинуть это чудо модельного искусства и освободить её грудь от платья, коснуться её губами. Её сосок был тверд и чувствителен. Она застонала, обхватила мою голову руками. Сначала хотела оттолкнуть, настолько острым было ощущение, а когда я чуть-чуть ослабил напор, наоборот, прижала меня к себе.

— Дэн, — воскликнула она.

— Да, любимая...

— Я хочу...

— Что?

— Я хочу... не знаю... Дэн... — Она начала обнимать меня, прогибаться так чтобы прижаться ко мне ближе, — Дэн, поцелуй меня.

Я был в восторге от её возбуждения, сам возбуждался так же сильно, но я и не подозревал, что Анжелика уже на пределе. Когда я поцеловал её очень страстно, и очень крепко прижал к себе, она вдруг вздрогнула всем телом, потом еще раз.

— Дэн! — раскрылись её глаза от изумления и восторга.

— Анжелика! — я был изумлен еще больше, ведь ни разу мне не удалось довести девушку до оргазма, не успев даже раздеть её. Я едва сам не кончил от счастья.

— Дэн...

Я думал, что сейчас ей нужен будет отдых, как мне всегда требовался после оргазма, но ощутил, что она хочет чтобы я снова поцеловал её в губы. Что я и сделал незамедлительно. Только я уже не хотел ограничиваться короткими, хотя и очень сильно возбуждающими поцелуями. Мне нужны были более сильные эмоции и ощущения, потому мой язык теперь не только нежно касался её губ и стеснительно прятался, но и ласкал её губы, её шею, её грудь. Я, наконец, нашупал какую-то застежку на её платье и мне удалось стянуть его на талию. Я также стянул свою рубашку с себя. И теперь наши обнаженные тела касались друг друга. Анжелика выглядела просто великолепно! Её белая, почти мраморная кожа была нежна и горяча под моими руками. Её безукоризненная прическа безнадежно испортилась, ведь я нашел и убрал с её черных, как смоль волос все шпильки. Теперь они разметались по подушке и обрамляли её безупречное лицо.

— Анжелика, ты так прекрасна! — восхищался я. — И я тебя люблю.

— Дэн, — повторяла она мое имя.

Я снова набросился на неё с неистовыми поцелуями и ласками. Она отвечала мне не менее неистово, возбуждая меня неимоверно. Я чувствовал, что она снова возбуждается и хочет чтобы я приносил ей наслаждение поцелуями и ласками. Для этого Анжелика прогибалась и прижималась ко мне.

Мне так же хотелось сливаться с ней воедино. Моя рука опустилась вниз и начала ласкать её бедра, поднимаясь выше. На какое-то мгновение я почувствовал, что где-то в глубине в душе Анжелики снова зашевелилось стеснение и желание оттолкнуть меня, но вместо этого она улыбнулась. Меня ожидал сюрприз. Моя любимая сама расстегнула еще одну застежку на юбке своего замысловатого платья и сама стянула его с себя. На ней оставались только маленькие трусики и прозрачные колготки. От вида этой красоты у меня перехватило дыхание. Мои руки сами потянулись к ней и начали снимать их, а губы целовали обнажившиеся места. Мое восхищение смешалось с восхищением и наслаждением Анжелики. Я был счастлив, неимоверно, просто невообразимо счастлив.

— Анжелика, счастье мое, — шептал я.

— Дэн, — снова повторяла она мое имя, но я почувствовал, что она хочет еще что-то мне сказать, но стесняется. Я понял, она была готова к дальнейшему, ей было уже интересно что ещё она испытает и почувствует.

— Да, любовь моя, — отвечал я, и страстно целовал её в губы.

Я еще не избавился от своих брюк, вот пришло время это сделать. А поцелуй должен был отвлечь её от моих ерзаний. Ну вот, я тоже в полной боевой готовности.

— Дэн, я хочу... — сказала она, но я снова почувствовал неуверенность и страх.

— Ангел мой, я буду очень осторожен и нежен. Не бойся ничего.

Я впервые лег на неё, раздвинув её ноги. От удивления её глаза широко раскрылись. Она чувствовала себя неловко. Чтобы не дать этим ненужным сомнениям, удивлениям и стеснениям остыть возбуждение Анжелики, я снова страстно поцеловал её, а рукой ласкал её грудь. Уже через несколько секунд я почувствовал, что все ненужное ушло, улетучилось, осталось только возбуждение и страсть. Чтобы больше не пугать Анжелику, я решил, что надо постепенно приучать её к тому что сейчас буду делать. Я начал целовать её не просто страстно, а с определенным ритмом, ритм появился и в моих ласках. Она уже не стеснялась и не боялась, она была в предвкушении, потому я начал смелее продвигаться к своей цели.

— Дэн, я не забеременею? — вдруг сказала она.

Как вообще она вспомнила об этом?

— Нет, солнышко, я позаботился о безопасности. Вот потрогай. — Я взял её руку, чтобы она ощутила презерватив.

— Когда ты успел? — засмеялась она.

— Не важно, — улыбнулся я в ответ.

Анжелика снова расслабилась, а я продолжал её ласкать и целовать. Мне казалось, что я все еще недостаточно возбудил её для того чтобы она успела испытать оргазм до того как я его испытаю, ведь я был уже на пределе. Потому я все время откладывал свое наслаждение, а заботился о её чувствах. Какое же было мое удивление, когда я едва-едва кончиком вошел в неё снова почувствовал сильное содрогание всего её тела. В экстазе она сама прогнулась мне навстречу и нанизалась на меня. Я даже не успел опомниться, когда вошел в неё на всю глубину. Я ожидал, что почувствую её боль, ведь все говорят, что для девушки первый раз всегда больно, почувствовал только наслаждение, только сильнейший оргазм. От этого впору было и самому кончить, но, наверное, именно удивление и испуг от того, что я мог причинить ей боль не позволили мне расслабиться до конца.

— Анжелика, уже второй раз? Я глазам своим не верю.

— Дэн, не разговаривай...

Она сама начала ритмично двигаться. Вот это темперамент! Я восхищался ею. Начал двигаться ей навстречу, наслаждаясь теперь и своими и её ощущениями. Я растягивал удовольствие. Мне не хотелось кончать, я хотел продлить это блаженство до бесконечности. И мне казалось, что это вполне реально, ведь кто захочет добровольно покинуть рай. Мы плыли с Анжеликой в мягких нежных волнах нашей любви, нежности и страсти. Бесконечно долго плыли. В какой-то момент я почувствовал, что Анжелика очень крепко сжала мою руку. Она чего-то хотела. Я прислушался и почувствовал, что она на пределе, что она хочет получить оргазм, а я своим размеренными и нежными движениями оттягиваю этот момент. Она и наслаждается этим, а одновременно больше не может его выносить. Потому я удовлетворил её желание. Мои толчки стали более жесткие, сильные и глубокие. Я сам задыхался от переизбытка чувств и ощущений, держался с последних сил. Но когда её тело в очередной раз содрогнулось от еще более сильного оргазма, чем предыдущих два, я, естественно не мог больше сдержаться. Это был самый сильный, самый невероятный и самый незабываемый оргазм в моей жизни.

Анжелика оказалась очень чувствительной и темпераментной женщиной. Истинная француженка! Такого со мной действительно ещё никогда не было!

А на завтра я провожал её с Бориспольского аэропорта. Она плакала, её родители удивлялись, я тоже едва сдерживал слёзы. Но что я мог сделать? Теперь оставалось только ждать следующей встречи, которая должна была состояться не ранее, чем через два месяца. Вернулся я домой в полной растерянности. Сразу упал на кровать, даже куртку не снял. Влад удивился, увидев меня такого грустного и несчастного.

— Дэн, вы же знакомы всего две недели. Неужели ты так сильно влюбился?

— Ты даже представить себе не можешь, насколько сильно, — сознался я.

— Это ж надо! Ты не мог себе найти девушку, которая жила бы немного ближе, нежели Париж?

Наверное, он не особо верил в то, что мои чувства к Анжелике настолько сильны, потому и

начал подшучивать надо мной. Или может, думал, что так меня развеселит?

— Влад, не ссыпь мне соль на рану! — возмутился я и отвернулся к стенке.

Первые страдания

Анжелика связалась со мной в тот же вечер. Её глаза были красными от слёз, даже камера это видела. У меня снова сердце сжалось от того, что она страдает, а я не могу утешить её. Тут уже было не до моих мучений. Я начал говорить Анжелике какие-то слова, чтобы хоть немножко развеселить её и успокоить.

Как-то так вышло, что когда мы начали разговаривать с Анжеликой, Влад находился в комнате, а я забыл об этом. Он тихо сидел на своей кровати и никак не выдавал своего присутствия. Нет, он не хотел подслушивать, просто думал, что у меня нет секретов от него. А я, хотя и не скрывал своих чувств к Анжелике, все же, если бы помнил о том, что Влад в комнате, удержался бы от некоторых интимных подробностей в разговоре с ней. Когда мы закончили беседу, и я обнаружил друга в комнате, едва не подпрыгнул от неожиданности.

— Ты всё время был здесь! И всё слышал! — я застеснялся и пытался вспомнить о чём мы разговаривали с Анжеликой.

— Разве ты не видел меня? — удивился Влад моей реакции.

— Я забыл, что ты в комнате, — понемногу начал приходить в себя. Ну и что с того, что он услышал наш разговор? Он ведь тоже влюблялся!

— Ну, извини, что пытался не мешать тебе, — Влад обиделся, что я так отреагировал на его присутствие в комнате.

— Да ладно тебе, — окончательно овладел я собой. — Ну услышал ты о чём ми говорили... Будет повод подшучивать надо мной.

— Над тобой? Подшучивать? — снова удивлялся друг.

— Ну, я могу представить себе, как выглядел со стороны наш диалог...

— Нормально выглядел, — успокоил он меня. — Я бы сказал, очень хорошо выглядел. Видно, что вы действительно любите друг друга и страдаете оба. Вам бы посочувствовать, а не шутить над вами.

Мы с Владом были хорошими друзьями. Всегда находили понимание между собой, выручали в трудную минуту, помогали друг другу, развлекались вместе, даже устраивали двойные свидания. Но никогда не делились интимными деталями о том, что мы делаем наедине с девушкой, о чём говорим. Это было табу, которое, в принципе, можно было бы легко нарушить, но которое мы не нарушали из-за уважения к нашим девушкам. Ну а если уж быть до конца честным, то основная причина этого молчания заключалась именно во Владе. Я ведь очень подробно рассказал ему о своем первом опыте с девушкой. А он ограничился несколькими общими фразами. Говорил, что не умеет так красиво описывать свои ощущения. Ну а я почему-то обиделся и не хотел больше откровенничать с ним на эту тему.

Сегодня случайно Влад стал свидетелем очень личных подробностей наших с Анжеликой отношений. Естественно, что я вначале расстроился, но потом даже обрадовался, что так случилось. Теперь, не имея возможности встречаться с любимой девушкой, и не желая вообще кого-либо видеть рядом с собой, я начал делиться своими воспоминаниями об Анжелике с Владом. Вечером, когда мы уже легли спать, я не удержался.

— Влад, я так люблю её! Мне очень недостаёт Анжелики.

— Сочувствую, друг.

— А ты влюблялся по-настоящему?

— Естественно! Я каждый раз влюблуюсь по-настоящему, — засмеялся Влад.

Он понял о чём я спрашиваю. И хотел сказать, что такого глубокого чувства ещё не испытывал, что ему пока не знакомо страдание от любви, а только приятные ощущения, но чтобы не вгонять меня в ещё большую меланхолию, отдался шуткой.

— Да, я тоже когда-то думал, что влюблуюсь по-настоящему. Только Анжелика показала как это — любить всем сердцем.

Не сразу, но со временем всё больше подробностей Влад узнавал о наших с Анжеликой встречах. Как мы целовались, как мы танцевали, как я впервые почувствовал, что также нравлюсь ей. Мне тогда было очень тяжело описать мою эмоциональную связь с Анжеликой, потому что и сам не очень понимал механизм той связи. Запутался в словах, а Влад ещё больше запутался в моих объяснениях. Не понимая меня, он не знал как реагировать на мои откровения, высказал сомнения, а я обиделся, что он не верит мне. Тогда я сделал вывод, что никто не поверит, потому решил, что никому и никогда не расскажу о нашей с Анжеликой связи. Тем не менее, всем остальным я делился, не колеблясь.

Однажды Влад спросил меня:

— Дэн, ты вот сколько всего интересного рассказал мне про вас с Анжеликой, наверное, каждое своё свидание пересказал, каждый оттенок своих ощущений открыл мне, но не сказал, был ли у вас секс. Если не хочешь отвечать — не надо, но признаюсь, что мне очень интересно...

— Да, у меня был секс с Анжеликой. Накануне её отъезда родителей пригласили на какой-то приём, вот Анжелика и пригласила меня к себе. Признаюсь, что такого со мной ещё никогда не было!

— Эту фразу ты повторяешь уже несколько недель, рассказывая об Анжелике, — засмеялся Влад.

— Ты не понимаешь! — я снова вспомнил тот день во всех деталях.

Я держал слово, данное себе же, и никогда и никому не сознавался о странной эмоциональной и чувственной связи между мной и Анжеликой. Но я очень хотел поделиться с Владом своими ощущениями, ведь кроме него, ни с кем больше не мог говорить о своей любви. Потому и решился на откровенность, но с некоторыми неточностями.

— Знаешь, как-то случайно я понял, что если за мгновение перед тем, как прикоснуться губами к губам Анжелики, я коснусь к ним языком, она скорее реагирует на мои поцелуи. Тот вечер мы начали именно с такого поцелуя. А потом она сказала мне, что ей казалось, будто бы я касаюсь её сердца.

— Ничего себе! Она тоже ласкала тебя так, будто бы касалась твоего сердца? — В голосе моего друга я уловил нотки зависти.

— Конечно! Такого секса у меня ещё никогда в жизни не было!